

Моск. новости. - 1992. - 23 февр. (№ 8) - с. 22-23

«СТРОЙБАТ» И ЦЕНЗУРА

Сергей КАЛЕДИН

Цензура исходит из того, что болезнь есть нормальное состояние, а нормальное состояние, свобода, есть болезнь.
К.Маркс. «Дебаты о свободе печати»

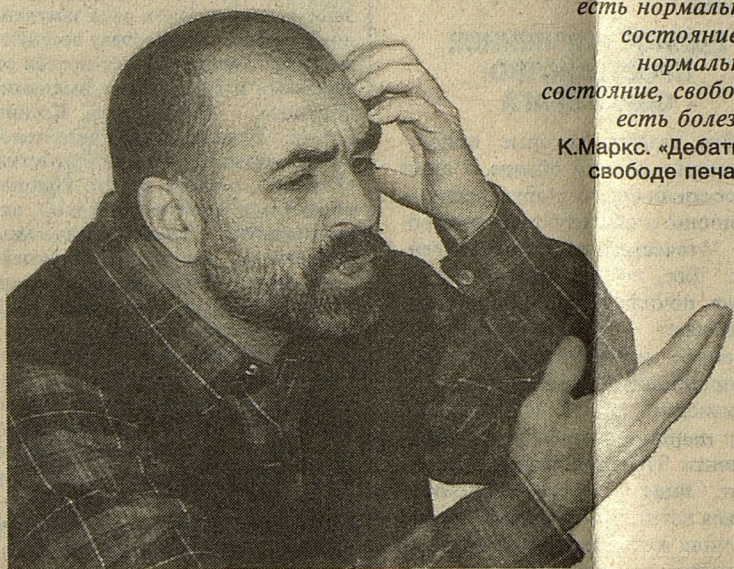

фото Михаила ПАЗИЯ

В мае 1987 года в «Новом мире» появилась повесть Сергея Каледина «Смирненное кладбище», на которую «Московские новости» оперативно и благожелательно откликнулись. Столь же оперативно зашел в редакцию сам автор, закрепив обоюдную симпатию, делящуюся по сию пору. На днях Каледин принес в «МН» рукопись своего рода мемуаров на вечную тему «художник и власть», а конкретно — о прохождении его повести «Стройбат» сквозь плотные заграждения военной цензуры. Мы охотно публикуем его рассказ, так как «МН» тоже помогали писателю одолеть армейские бастионы, во-первых, а во-вторых, потому, что названные Калединым лица здравствуют и продолжают свое неизменное дело в изменившемся российском отечестве.

ДЕМОБИЛИЗОВАЛИСЬ. Мой армейский товарищ, секвич, в день свадьбы перерезал себе вены и стал калек.

Срочно поехал в Ленинград отыскать оставшихся однополчан. Не отыскал: трое сидели, один рехнулся. Такой расклад произвел на меня, красиво говоря, неизгладимое впечатление, и я засел за «Стройбат».

Отнес в журнал. Самый толстый. Повесть скорее поставили в десятый номер 1988 года. Я удивился и даже слегка обиделся легкости, с которой решил вопрос о публикации. А впрочем, чего обижаться: на дворе свобода, перестройка, благодать! Живи — не хочу!

Сверстанный номер журнала Главлит не завизировал. А без визы Главлита типография не имеет права напечатать даже спичечную этикетку, не говоря уж о конфетном фантике.

Журнал решил: недоразумение. Ну, ладно, запретили «Архипелаг ГУЛАГ». Все понятно: автор — враг, предатель, изменщик и клеветник, и от его нобелевской речи проку мало. «Чернобыльскую тетрадь» Григория Медведева забили тоже из лучших побуждений: как бы панику от разлетевшейся по белу свету радиации на читателя не нагнать. Все правильно. Как по нотам. Но «Стройбат»-то чем не угодил? Выдуманная история двадцатилетней давности: зачуханный строительный батальон, солдаты и автоматы в глаза не видали. Боевое оружие — кайло да лопата. Ну, еще и мастерок, конечно.

Ан, нет... Не все так просто. Главлит, а полным чином — Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР, вернул верстку «Стройбата», строго предупредив, что без визы военной цензуры рассматривать повесть не будет. Чтоб, значит, не тревожили понапрасну.

Очень хорошо, — потирая руки, успокоил меня заместитель главного редактора. — Отошлем в военную цензуру, и все будет в порядке. Поставим в двенадцатый номер.

— Не надо в военную цензуру! — завопил я. — Христом Богом прошу: не надо!

Главный редактор — кстати, единственный беспартийный среди «толстых» главных — поморщился: — Тихо... Пусть читают, раз хочется...

— Вот именно, — кивнул зам и повернулся ко мне: — Вы на машине, вот и свезите. Кропоткинская, девятнадцать.

— Поезжайте, — скомандовал глав-

ный редактор.

Своими руками я засунул верстку «Стройбата» в узкую, нестрашную щель деревянного почтового ящика с надписью поперек от руки «Для материалов». Ящик охранял прыщавый солдатик со штыком. В его взгляде была усмешка: «Куда суешь, козел?».

И началось.
«Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР, Главная Военная цензура, 15 сентября 1988 года, № 382/145, 103160 Москва, К-160.

Главному редактору...

Копия: начальнику Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР тов. Болдыреву В.А.

В повести С.Каледина «Стройбат» показано исключительно низкое политико-моральное состояние личного состава воинской части Советской армии...

...В связи с тем, что упомянутые сведения подпадают под существующие цензурные ограничения, повесть опубликована быть не может.

ВРИО главного военного цензора Генерального штаба полковник Сысоев.

— Ну, что ж теперь сделаешь? — развел руками зам, кисло улыбувшись. — Только одно и остается: садитесь и переделывайте ваш стройбат в дисбат. Тогда они еще разок взглянут.

— Дисбат?! Это военная тюрьма! Я там был.

— Ну тогда не знаю... А чего вы так расстраиваетесь?.. Вы еще такой молодой...

И опять нехорошо улыбнулся.

Ладно, думаю, не буду расстраиваться. Я еще такой молодой. Но и дела не брошу. Уж больно бесславно получается: придавили и подох. Порезалось, раз ввязался, не догону, хоть согреюсь.

Звоню в военную цензуру. — Автор запрещенной повести «Стройбат» беспокоит. Хотелось бы поговорить с руководством.

— А чего говорить, все сказано. Мы письмо направили главному редактору.

— Дело в том, что у меня тут... предынфарктное состояние. А также мысль о самоубийстве...

На том конце телефона замешкался, донесся раздраженный голос: «Траванется чего доброго...» и:

— Соединяю с главным военным цензором генерал-майором Филимоновым Сергеем Алексеевичем.

Я икнул, перекашлял голос, настроил память на запоминание.

— Генерал Филимонов слушает.

Я: Здравствуйте, Сергей Алексеевич. Это Каледин, прозаик. Хотел бы получить кое-какие дополнения к заключению полковника Сысоева относительно моей повести.

Филимонов: А какие вы хотите разъяснения?

Я: Ну, чтобы вы поподробнее объяснили, что считается низким политико-моральным состоянием личного состава воинской части.

Филимонов: Если с нашей стороны, то я могу сказать, что является то, что вы за целую часть даете политико-моральное состояние. У вас там большинство оказалось почему-то в этой части собраны все подсудимые... Мы же должны на факты опираться... А такого не должно... Мы ведь и к строителям обращались. У вас там все в обобщенном виде, такая картина представляется, она ставит под сомнение...

Я: (прерывая): Сергей Алексеевич, а ведь под сомнение поставил не только я, но и решение политбюро...

Филимонов: Не будем так, не будем так... Нас никто не уполномочил, и вы, наверное, не владеете за всех. По нашему перечню, если речь идет о частном случае, если там один, ну два человека, можно показывать. Когда же мы начинаем на факте двух-трех человек делать обобщение... Нет, художественная сторона у вас там есть, присутствует, и вы это выливаете, хотя она и строительная.

Я: Главный редактор журнала предложил цензуре и Главному политуправлению полный карт-бланш...

Филимонов: Кого?

Я: Предложил дать рецензию, отзыв, комментарий — что угодно в том же номере, где и повесть...

Филимонов: Мы с вами ни к чему не приходим...

Я: Значит, вы считаете, что мы с вами не найдем общего языка?

Филимонов: Почему? Общий язык я имею и сейчас.

Я: Давайте договоримся о встрече, а?

Филимонов: Давайте, хотя и ни к чему.

КАНЦЕЛЯРСКАЯ папка с надписью «Склока» (история «Стройбата») начала распухать.

В конце октября 1988 года я второй раз вошел в старинный особняк на Кропоткинской. Главная военная цензура. Дежурный, сличив меня с паспортом, вызвал лейтенанта. Тот повел тайными ходами и у очеред-

ной двери сдал полковнику. Полковник, оправив мундир, постучался в нужный кабинет, вошел и, кивнув в мою сторону, мрачно сказал встающему из-за стола генералу: «Вот». И отошел к стене.

— Добрый день, Сергей Евгеньевич, — радушно сказал старый, седой генерал.

— Насчет разъяснений, — виновато кивнул я, усаживаясь в назначенное генеральским пальцем кресло.

Первое время наш разговор пробуксовывал, не схватывался, нудно повторяя телефонный. Тем не менее я что-то молот, апеллируя к политбюро.

— Политбюро не надо трогать, — генерал вдруг резко изменил рыхлый ход разговора. — Есть перечень.

Генерал достал из сейфа красную книжечку и, полистывая ее, приговаривал:

— Во-первых, вы писатель... Не может быть, Сергей Евгеньевич, что вы не в курсе... Есть перечень сведений... Главлит им руководствуется...

— Дозвольте взглянуть.

— Да у вас же у самих, наверное, есть?

Я театрально развел руками.

— Откуда? Ничего у нас нет. Голяк.

При этом я блудливо выкручивал шею, стараясь заглянуть в лежащую перед генералом книжечку. Генерал же локтем загораживал текст.

— Вы прям, как второгодник, Сергей Евгеньевич, — по-отечески пошутил он, — списать хотите...

— В точку попали, Сергей Алексеевич: я и есть второгодник, в девятом классе выгнали на...

Генерал расцвел.

— То-то я и думаю: писатель, и такие вещи...

Я закивал.

— Все правильно, Сергей Алексеевич, все правильно... Взглянуть бы, а? По-свойски, по-военному: вы — генерал, я — рядовой.

— Так ведь секретно, — вяловато отбивался генерал. Но чувствовалось, что показать хочется.

— Какие там секреты, Бог мой! — порол я ахинею, зацепившись за краешек заветной брошюры. — Вы мне покажите, я ребятам своим перескажу, товарищам по перу, по оружию: чего нам можно, чего нельзя.

По-настоящему-то эта книжечка не в секрете должна содержаться, а на самом видном месте на Доске почета, рядом с ударниками!

С таким же энтузиазмом я в свое время склонялся к любви особ противоположного пола.

И генерал склонился. Он повернул ко мне текст, ладонями прикрыв при этом номера параграфов сверху и снизу, для прочтения оставался лишь узкий просвет.

— Еще чуть-чуть, — игриво упрашивал я цензора. — Ка-апельку. Только параграф.

— Параграф не надо! — рявкнул генерал, сведя на нет мой домогательство. — Чего могу — даю. И — будет!

В щели между чисто вымытыми генеральскими ладонями значилось следующее: «Ограничения для центральной печати...»

О недовольстве воинской дисциплины — общая оценка, характер нарушений, их количество — в центральных и окружных видах информации...

— Мы уж и так и сяк пытались... — генерал вздохнул — все равно политико-моральное вылезает... Вы, Сергей Евгеньевич, думаете, что в стройбате собраны...

— Я не думаю, я служил в этом стройбате, товарищ генерал. Нас в шестьдесят девятом согнали из всех стройбатов страны, неугодных по разным причинам, и гнали на исправление в Билютуй. Знаете, там урановые разработки. Там солдаты на полгода меньше служат, а потом приплод не дают... Половое атрофируется.

Генерал покачал головой, заловив меня на лжи.

— Но вы-то дали, Сергей Евгеньевич. Приплод имею в виду, а говорите.

— Так меня не довели до урана. В Ангарске тормознули.

Генерал оживился.

— Частный случай, частный случай. Нельзя исключительный случай

накладывать на все вооруженные силы. У вас там драка, рота на роту...

— Да я сам в ней участвовал.

— Все равно: частный случай. Два-три человека, группа даже — пожалуйста. А часть целая — не на-до. Это неправильно будет. В редакции же все знают. Заместитель знает. Пере-чень утвержден в 1987 году маршалам Ахромеевым.

— Какой маршал у нас интересный! Одной рукой цензурой утверждает, а другой Рейгана уверяет, что у нас свобода слова. Нехорошо получается.

Наш разговор пошел по второму кругу. У генерала начался обед. В кабинет робко протискивались подчиненные, безмолвно напоминая шефу о своевременном приеме пищи, но генерал разговорился.

— Я даже, честно говоря, удивился, как это журнал берет такую повесть... Еще там еврей у вас... Политическое у вас там. Национализмом попахивает...

— А вы читали «Один день Ивана Денисовича»? — перебил я генерала.

Полковники, прилипшие к стенам, синхронно дернулись. Но генерал не смутился, лишь тряснул погонами.

— Да. Знаю такой роман... Все должно быть в меру. Вам страницы предоставлены, а вы и рады...

Я встал.

— Все хорошего, Сергей Алексеевич.

Генерал проводил меня до дверей и, передавая застоявшемуся полковнику, по-отечески попросил не рассказывать никому о нашем разговоре.

Но я ему испортил весь уют.

— Дорогой Сергей Алексеевич! Даю честное слово, что как только выйду из военной цензуры, тут же постараюсь рассказать о нашей встрече как можно большему числу людей. Не взыщите.

МОЙ ДЕД по отцу, старый еврей, любил охать.

«Ох-ох, — бормотал он, традиционно помятая головой, — ох-ох». Потом вдруг замирал и, театрально разведя руки в стороны, задавал пустое sacramентальный вопрос: «А что, собственно, ох-ох?»

«А что, собственно, ох-ох? — подумал я, выходя на волю. — Во-первых, выпустили, ребра целы. Во-вторых, информация: генерал крутит, пере-кладывает ответственность на ПУР. Надо туда наведаться, благо недалеко».

В приемной Главного политического управления повсюду висели плакаты: указательный палец строгого воина грозил посетителю: «Помни о военной тайне». Я зашел в кабинку местного телефона. Телефон молчал. Я затравленно стал шарить глазами в поисках инструкции и нашел ее: «Закрой плотно дверь!»

Притянул плотнее дверь — телефон загудел.

Заместитель начальника отдела культуры полковник Волошин отыскался тут же. Я хотел придумать какой-нибудь оригинальный зачин (болезнь уже была), но времени на экспромт не было, и я зашел с обкатанного козыря: я в инфаркте и начинаю самоубиваться прям здесь, в телефонной будке.

— Подождите!

Красивый, моего возраста полковник Волошин легкой победой спустился со ступенек. В руке он держал листки бумаги.

— Может, «скорую», Сергей Евгеньевич?

— Не надо «скорую», скажите лучше, печатать будете?

Полковник мужественно повел красивой головой.

— Н-нет! Плохая повесть, Сергей Евгеньевич. Очень плохая. — Он потряс зажатыми в руке листочками. — Это заключение ПУРа.

— Дайте, — попросил я худым голосом.

Полковник, совершая должностной грех, побоялся отказать умирающему, разжал пальцы.

«...С.Каледин собрал все отрицательные факты, всю грубость, всю жестокость и бессмысленность, которые рассыпаны по всем стройбатам страны... В наши дни, столь горячие обострением межнациональ-

ных отношений, напечатать повесть «Стройбат» в журнале с громадным тиражом — это значит сыграть на руку врагам перестройки, националистам...

Повесть печатать не нужно. Однако руководство журнала, ссылаясь на демократию и гласность, может опубликовать ее. После чего хорошо бы организовать несколько оперативных рецензий. Лучше было бы о ней в печати промолчать, но это маловероятно.

И тут я понял, что, кажется, «Стройбат» напечатают. Слишком уж много дураков, запрещающих его. Как в каратэ: чем больше нападающих, тем легче отбиться.

Главный редактор был недоволен моим поведением.

— Прекратите самодеятельность!.. Я пятьдесят лет в литературе, а не встречал, чтобы автор так беспардонно себя вел! Прекратите ходить по инстанциям!

Заместитель приоткрыл дверь кабинета и в щель протянул две газеты.

— Что, что такое?! — воскликнул редактор, принимая прессу. — «Московские новости», «Комсомолка»!.. Рекламу себе делаете?! Ажиотаж нагнетаете?! Что вы еще намерены делать?

Я тяжело вздохнул.

— Послать телеграмму в Совет Министров с жалобой на Главлит.

— Не смейте! — взвизгнул зам.

Главный, не попрощавшись, ушел к себе в кабинет.

Вечером я приводил в порядок документацию по «Стройбату» и планировал очередные демарши.

Зашел сосед. Поинтересовался, слушаю ли я сейчас «Свободу»?

Я включил транзистор. «Свобода» голосом Юлиана Панича читала «Стройбат».

— Оля! — заорал я жене на кухню.

— Сухари суши!

Но прошел день, два... «Стройбат» дочитали, повторили, а меня еще не забрали. Все-таки другие времена.

В почтовом ящике я обнаружил простенький конверт, в уголке — рыбка «Петушок», каких я разводил в детстве в аквариуме. В таких почтовых скромных конвертиках бабушка Липа присылала мне в стройбат потерянные рублевочки из своей пенсии. В данном же случае «Петушок» в своем клювике принес письмо Филимонова. Не генерала, не начальника военной цензуры, просто скромное письмецо, подписанное внизу аккуратно и мелко «Филимонов». Без даты и исходящего номера. Удивительное совпадение с покойной бабушкой: она тоже подписывала письма без даты и географии, по-домашнему: «Бабушка Липа». Правда, в ее письмах всегда была денежка.

«Во время нашей беседы, Сергей Евгеньевич, я объяснил Вам, почему есть возражения против публикации повести «Стройбат». Но коль вы все-таки прислали в наш адрес письмо по этому поводу то, видимо, хотите и от нас иметь непременно «бумагу»...

«Ишь ты, как его повело! — подумал я. — Запросто мог не написать, а ведь написал!»

«...Стройбат в повести — это ежедневные пьянки личного состава, устойчивое человеконенавистничество, высокомерное отношение к туркменам, узбекам, молдованам... Все они именуются не иначе, как: «чурки», «хохлы», «евреи»...»

А тем временем...

А тем временем в журнал прибывали депутаты. И какие гости пожаловали!.. И без охраны!.. Вот заместитель начальника ПУРа генерал-полковник Стефановский, таинственный генерал с голубыми кантами...

Генералы полдня охмуляли главного редактора. Ссылались они не только на свое ведомство, главной репоной они называли «верха» — союзного идеолога Вадима Медведева, только через труп которого «Стройбат» может выбраться к читателю.

Еще не развеялся генеральский дух, в гости пожаловал начальник

управления художественной литературы Главлита Солодин.

Я, естественно, на беседу приглашен не был и решил сам навеститься к Солодину в Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совмине СССР.

Солодин был на месте, велел впустить.

Я поставил на стул возле его стола портфель, вынул из него разжиревшую за полгода хлопот папку с подновленной надписью «Склока». Папка была в три пальца толщиной. Полтора пальца были нажиты естественным путем, а нижние полтора — незадействованная чистая бумага. Для солидности. Портфель я оставил раскрытым и в его нутре щелкнул зажигалкой.

Солодин заерзал, нахмурился, потянулся к темному нутру портфеля.

— Что вы так беспокоились, Владимир Алексеевич, там магнитофона нет. Бомбешка была хилая, выложил... — трепался я, обкладывая цензора документацией.

Солодин закурил.

— А знаете, как вас на Западе называют?.. Певцом советского дна.

— Поди-ка!.. И все-то вы знаете!

— Все-е мы про вас знаем, — загадочно улыбнулся Солодин. — Как-нибудь со временем я покажу вам много интересного. Жена-то — редактор, небось?

— Старший. По прозе. Мы и поженились-то с умыслом: я пишу, она издает. Семейный подряд. Вот «Стройбат» скоро выйдет — пивка прикупим, креветочек...

— Не выйдет, Сергей Евгеньевич... Не прикупите... Вещь-то мерзопакостная... Вы же ненавидите и страну нашу, и армию... Если руку на сердце, а, Сергей Евгеньевич?..

Солодин говорил тихим ласковым голосом.

— Не нравится вам мое творчество, Владимир Алексеевич. Плохой у вас вкус, неразработанный... А вот супругам Горбачевым, не сочитите за похвальбу, по душе...

Солодин поперхнулся дымом.

— Они читали? — незаинтересованно спросил он.

— Думаю, Михаил Сергеевич уже прочел, — сказал я смиренно. — А не успел — вечером зачтет. Повестушка-то, извиняюсь, с тулькин хрен. Зато с адюльтером. Наркотой. Дракой. Драка, кстати, по документам проходит. Документы тоже у Горбачева.

По сюжету надо было спешить.

— Куда вы, Сергей Евгеньевич? — сказал Солодин. — Посидим, потолкуем.

— Перестройка, еж твою медь! — заорал я опять-таки по своему сценарию. — Альтернатива!.. Всего хорошего! Бегу!.. Горбачеву обещал позвонить. Раисе Максимовне...

Через два дня Солодин позвонил в журнал и сообщил, что получено разрешение на публикацию «Стройбата».

Повесть напечатали в апреле.

В ТЕАТРЕ Советской Армии проходило общесоюзное совещание офицеров. На сцене Язов бил кулаком по столу: «Стройбат» — нож в спину Советской Армии».

А вечером того же дня на той же самой сцене шли репетиции «Стройбата». Шли, но до конца не дошли: запретил Язов спектакль.

«Каледин, постоянно подчеркивая национальную принадлежность действующих лиц и выделяя своего положительного героя Фишу среди остальных, ставит его выше других и в отношении национальном. Лишь один-разъединственный в этом ряду еврей Фиша наделен интеллектом...»

Похерили спектакль. Один режиссер с горя уехал в Израиль, другой уволился.

А в ленинградском Малом драматическом театре Лев Додин поставил по «Стройбату» спектакль без сучка и задоринки. Не дотянулись генералы до Ленинграда. Шестьсот верст — далековато. Спектакль прошел в Ленинграде и сейчас с успехом гуляет по белу свету. Что, конечно, приятно.

А Горбачеву я повесть передал. Читал он или нет, не знаю.